

ELAD-SILDA

Études de Linguistique et d'Analyse des Discours
Studies In Linguistics and Discourse Analysis

ELAD-SILDA

ISSN : 2609-6609

Éditeur : Université Jean Moulin Lyon 3

4 | 2020

Syntaxe des langues slaves : de la norme à la transgression

Droits d'auteur

CC BY-NC 3.0 FR

Vous êtes autorisé à :

Partager — copier, distribuer et communiquer le document par tous moyens et sous tous formats

Adapter — transformer et créer à partir du document

L'Auteur ne peut retirer les autorisations concédées par la licence tant que vous appliquez les termes de cette licence.

Selon les conditions suivante :

Attribution — Vous devez créditer l'article, intégrer un lien vers la licence et indiquer si des modifications ont été effectuées au texte et aux images. Vous devez indiquer ces informations par tous les moyens raisonnables, sans toutefois suggérer que l'Auteur·rice vous soutient ou soutient la façon dont vous avez utilisé son article.

Pas d'Utilisation Commerciale — Vous n'êtes pas autorisé·e à faire un usage commercial de ce document, tout ou partie du matériel le composant.

Pas de restrictions complémentaires — Vous n'êtes pas autorisé·e à appliquer des conditions légales ou des mesures techniques qui restreindraient légalement autrui à utiliser le document dans les conditions décrites par la licence.

Синтаксическая омонимия как источник и ключ множественного толкования поэтического текста

Marina Sidorova

Université d'État de Moscou

russlang@philol.msu.ru

sidorovadoma@mail.ru

В статье рассматривается синтаксическая омонимия в русской поэзии на уровне слова, предложения и текста в связи с конститутивными свойствами лирики, прежде всего множественностью толкований. На уровне слова выделяется омонимия предложно-падежных форм, конкуренция компонентов предложения за место подлежащего, частеречная омонимия и омонимия глагольных синтаксем, которая является переходным случаем к омонимии уровня предложения. Синтаксическая омонимия уровня предложения связана с предикативными категориями времени, модальности и лица; распределением модусных и диктумных смыслов, омонимией свободных и фразеологизованных конструкций. Синтаксическая омонимия уровня текста может носить характер отдельных вкраплений непоэтических жанров или заимствования и поэтической трансформации формата, реализуемого всем стихотворением (с указанием на это в названии). В целом результаты анализа синтаксической омонимии подтверждают продуктивность лингвистического рассмотрения лирической поэзии как одной из функциональных реализаций системы общенационального языка, а не отдельной системы особенностей и отклонений.

Ключевые слова: русская лирика, синтаксическая омонимия, лингвистический анализ поэзии

Dans l'article, il est question de l'homonymie syntaxique dans la poésie russe au niveau du mot, de la phrase et du texte, en lien avec des caractéristiques de base de la lyrique, et avant tout la pluralité des interprétations. Au niveau du mot, il s'agit de l'homonymie des formes casuelles, de la concurrence des composantes de la phrase pour le rôle de sujet, de l'homonymie des parties du discours et de l'homonymie verbale qui se trouve déjà à la charnière avec l'homonymie au niveau de la phrase. L'homonymie syntaxique au niveau de la phrase est associée aux catégories prédicatives du temps, de la modalité et de la personne, à la distribution du *modus* et du *dictum*, à l'homonymie des constructions libres et phraséologiques. L'homonymie syntaxique au niveau textuel peut avoir un caractère de certaines insertions des genres non poétiques, ou de l'emprunt et de la transformation poétique du format non poétique, réalisé dans le poème entier (indiqué habituellement dans le titre). Dans l'ensemble, les résultats de l'analyse de l'homonymie syntaxique confirment l'efficacité de l'approche linguistique pour l'étude de la poésie lyrique, en tant qu'une des réalisations fonctionnelles du système de la langue nationale, et non comme un système

distinct des particularités et des déviations.

Mots-clés : lyrique russe, homonymie syntaxique, analyse linguistique de la poésie

We discuss syntactic homonymy in Russian poetry on the level of word, sentence and text in connection with basic characteristics of lyric, first of all multiple interpretations. On the word level there is homonymy of case forms, competition of sentence components for the subject role, homonymy of parts of speech and verbal homonymy which already gravitates to the sentence level. Syntactic homonymy on the sentence level is associated with predicative categories of tense, modality and person; distribution of modus and dictum; homonymy of free and phraseological constructions. On the text level syntactic homonymy may manifest as separate insertions of non-poetic genres or as borrowing and poetical transformation of non-poetic format in the whole poem, the borrowed genre being usually marked in its name. Generally the results of syntactic homonymy analysis confirm productivity of linguistic approach to poetry as to one of functional realizations of the national language system but not as to a separate system of singularities and deviations.

Keywords: Russian lyric, syntactic homonymy, linguistic analysis of poetry

Введение

Со стороны языка синтаксическая омонимия выступает как системно-функциональное явление, т.е. как способ реализации потенций языковой системы, ее единиц и категорий, в тексте. В лирическом поэтическом тексте синтаксическая омонимия связана со всеми конститутивными свойствами лирической поэзии как вида словесного искусства, в первую очередь множественностью толкований. Множественность толкований как сущностное свойство художественного текста в канонической прозе ограничивается наличием сюжета и системы персонажей, но в лирической поэзии, напротив, поддерживается другими важнейшими характеристиками этого рода литературы, такими как

- «модальная неопределенность» [Левин 1998], или «множественная референция» [Ревзина 1981, 1995, 2002];
- суггестивность («сказочность» [Ларин 1997]);
- двойное (синтаксическое и ритмическое) членение [Шапир 1995, 2015];
- теснота стихового ряда [Тынянов 1965; Гаспаров 1997];
- фрагментарность, малый объем и самостоятельность мотивов [Тынянов 1965; Гинзбург 1987; Томашевский 1996].

Множественность / неопределенность толкований как конститутивное свойство лирической поэзии служит предметом рефлексии самих поэтов и в стихах, и в публицистике. Так, современный поэт В. Строчков в послесловии к сборнику стихов с характерным названием «Глаголы несовершенного времени» говорит о «полисемантичности» как о свойстве текста, проистекающем из сущности языка: «Язык реагирует на наш мир тоже

далеко не однозначно. Он отражает его то с бережной точностью, как зеркало внутренность жилища, то с яростной силой, как боец удар меча, то искажая до неузнаваемости, то преломляя и рассеивая до полного исчезновения образа. Возможно, это зависит, фигурально выражаясь, от кривизны той самой разделительной мембраны в точках соприкосновения миров, а та, в свою очередь - от сил, прижимающих или, наоборот, расталкивающих эти миры. Но ведь, в сущности, этой мембраной является наше сознание, передающее и принимающее сообщения миров и являющееся текстопорождающим источником. И как продукт многозначного взаимодействия многозначных миров текст по самой своей природе потенциально полисемантический. Вопрос лишь в том, как, какими средствами потенцию эту реализовать и развить наиболее полно» [Строчков 1994: 373-404]. Среди этих средств не только традиционные, такие как двусмысленность, каламбур, эзопов язык, но и новые, «открываемые» самим поэтом: «смысловой дрейф», «семантическое облако» и др. Строчкову вторит – уже в стихотворной форме – другой современный поэт, но младшего поколения, Н. Сафонов:

*словно бы река не имела дна
иметь подобную смелость. Нарушить предложение,
законченное не словами, расшевелить строй согласных
среди голых площадок из струганого дерева, рядов деревьев и
цельных кусков мокрого песка: соударяющиеся перечисления,
словно уже не река, а предложение о реке не имеет дна
(когда камень падает вниз или дождь)*

Множественность толкований обнаруживает себя в частности в активном использовании **синтаксической омонимии** – на всех трех уровнях: слова, предложения, текста, что и составляет предмет исследования в данной статье. Наиболее подробно рассматривается синтаксическая омонимия уровня слова, т.к. два другие уровня уже представлены в публикациях автора, на которые далее даются ссылки.

1. Синтаксическая омонимия на уровне слова

Наиболее интересные проявления синтаксической омонимии на уровне слова:

- омонимия предложно-падежных синтаксем,
- конкуренция компонентов предложения за место подлежащего,
- частеречная омонимия,
- омонимия глагольных синтаксем.

Способность предложно-падежных форм русского языка выражать богатый репертуар значений, реализующихся в различных синтаксических позициях, создает предпосылки для формирования конструкций, в которых возможные значения конкурируют (1), (2), (3).

(1) Не **до смерти** любим, но до поливальных машин, до солнца, повернутого в профиль к Югу (А. Петрова)¹

– признаковая синтаксема *до смерти* совмещает интенсификационное значение (ср.: *расстроиться до слез, испугаться до смерти, до ужаса красивый*) и значение темпоральной границы (ср.: *до обеда, до свадьбы заживет*);

(2) Четыре мучительных века с тоской мы глядим на Афон,
Максима, ученого грека, мы просим приехать, а он,
пока мы в его переводе читаем Псалтирь **по нему**,
все едет по русской равнине в тверские пределы, в тюрьму.
Его уже века четыре мы как преподобного чтим – под вьюгу, под чтенье
Псалтири, и сосны бушуют над ним (О. Николаева)

– синтаксема от имени лица «По + Дат. пад.» совмещает объектное (Чтение Псалтири **по усопшим** имеет свое начало в самой отдаленной древности) и субъектное (Классификация синонимов **по Виноградову**) значения.

Несмотря на то, что предложно-падежная омонимия обнаруживает себя в отдельной единице, она всегда «играет» на фоне стихового ряда в целом. Так, в (1) омонимическое прочтение синтаксемы «До + Род. пад.» возникает в результате «противоречия» между предполагаемым ритмикой стиха ударением на предлоге (значение интенсификации) и темпоральной семантикой ряда однородных синтаксем после *но*. В (2) омонимичная синтаксема *по нему* изофункционально связана с другими единицами, поддерживающими совмещение двух планов – вера и ученость – в образе Максима Грека, например, с переключкой глагольных форм *читаем* – *чтим*. Возможны и более «глобальные» случаи, когда предложно-падежная омонимия осмысливается, более того – возникает, на уровне текста в целом, реализуя его общий конструктивный принцип:

1 Все поэтические цитаты взяты из онлайн-антологий русской поэзии: *Русская поэзия* (русская поэзия XVIII–XX вв.), *Вавилон* (современная русская поэзия).

(3) **В толпе** веселых палочек, **в плену**
Зеркальных сквозняков балетной школы,
В прозрачности от потолка до пола,
Придвинувшейся **к самому окну**.
На улице, в кольце цветного слуха,
В лесу, где память бьется **на весу**,
Вибрируя, как золотая муха,
Похожая на добрую осу
Над яблоком в купе, когда часы
Стоят, прижавшись стрелками **к рассвету**, –
Две полосы серебряного цвета
Над черным краем лесополосы.
Разбившись насмерть **в пелене тумана**,
Мы гладим хвою **в глубине пробела**,
Где голоса летают **над поляной**,
Прodelав дырку **в зеркале Гизела**;
Вдоль сосняка, сквозь сумеречный дым,
По кромке дня пробравшись без страховки,
Мы наяву стоим **у остановки**
На воздухе, оставшемся пустым (Д Веденяпин).

Фактически синтаксема *на воздухе* из последней строчки в системе русского языка омонимичной не является: локативного значения «на поверхности» у нее нет, есть только значение «на улице, на свежем воздухе, вне помещения». Тем не менее в контексте данного стихотворения омонимия возникает – за счет «тесноты стихового ряда» и накопления определенных свойств предложно-падежных форм с начала стихотворения. Действительно, из двадцати трех локативно-директивных синтаксем в этом стихотворении менее половины являются собственно обозначениями местонахождения и направления относительно конкретных пространственных ориентиров типа *в лесу, в купе, над поляной, вдоль сосняка. Толпа, плен, прозрачность* (потолок, пол и окно – к ней «прилагаются»), *слух, вес, пелена тумана, глубина пробела, рассвет, сумеречный дым, кромка дня* – признаковые и ситуативные имена. Их предложно-падежные формы, хотя и совпадают по морфологическим характеристикам с локативно-директивными синтаксемами предметных имен, – иного свойства. Вещественность, выраженная морфологически, размывается в синтаксисе, а непредметная семантика в синтаксисе же овеществляется. В результате в последних строчках *остановка* превращается из банальной автобусной или троллейбусной в признаковое имя, а *воздух*,

напротив, обретает телесность: *на нем* вполне можно стоять, почему бы и нет, если память может *биться на весу*, а часы прижимаются *стрелками к рассвету*? Веденяпин, таким образом, оказывается в хорошем смысле слова трансцендентен, подобно Тютчеву в «Опять стою я над Невой...», только в финале его стихотворения *Мы наяву стоим у остановки На воздухе, оставшемся пустым*, а не задаемся вопросом:

Во сне ль все это снится мне,
Или гляжу я в самом деле,
На что при этой же луне
С тобой живые мы глядели?

Интересно в этом отношении и стихотворение И. Бродского «Ночь, одержимая белизной...», в котором омонимия синтаксем «В + Вин. пад.» с качественно-характеризующим значением (*машина в сто лошадиных сил, лампочка в сорок свечей* и т.п.) и значением интенсифицирующим (*нести во весь опор, кричать во все легкие* и т.п.) участвует в создании метафорического сопоставления «любимая женщина – источник света»:

(4) Спи. **Во все двадцать пять свечей,**
добыча сонной белиберды,
сумевшая не растерять лучей,
преломившихся о твои черты,
ты тускло светишься изнутри,
покуда, губами припав к плечу,
я, точно книгу **читая при**
тебе, сезам по складам шепчу.

Эта омонимия (мало понятная нынешнему молодому поколению в силу выхода из повседневного употребления характеристики ламп «в свечах») поддерживается далее омонимией синтаксем «При + Предл. пад.» (ср. *при свете лампы* и *при ком-то* в значении «в присутствии кого-то»).

Одно из проявлений омонимии предложно-падежных синтаксем в поэзии – субъектно-объектная омонимия, или конкуренция двух существительных за место субъекта, - обусловлено совпадением форм Имен. и Вин. у ряда словоизменяемых классов существительных. Примеры из А. Уланова:

(5) Над кофейной гущей **ветер** проносит змей
их? его? или ветер несут?
жизнь добавочная оглянись
что я делаю тут
что везде наверное двадцать пять в уме

– здесь поэт сам обозначил три варианта прочтения субъектно-объектной структуры первой строчки фрагмента;

(6) **Время** медленно капает к пьядца ди Спанья.
Не удержит белой римской воды **кораблик**

– воспринимать ли второе предложение как парцеллят первого и соответственно *время* – как общий субъект для предикатов капает и удержит, а *кораблик* – объект либо рассматривать эти две строки как отдельные предложения, в каждом из которых свой субъект – время и кораблик, - решать читателю. В первом случае *белой римской воды* – определение к *кораблику*, во втором – объектная форма с партитивным значением.

К частеречной синтаксической омонимии в лирической поэзии мы относим не только общеязыковые омоформы – примеры из А. Уланова (7) и (8), но и соположение в стихе одинаково оканчивающихся слов разных частей речи, которые могут соединяться сочинительными союзами, и использование слова одной части речи в функции другой, с совпадающей финалью (9).

(7) Это **стекло стекло** в город ниш и свободы между югом и западом
плачущих комаров.

(8) **Сó лью солью** имя инея с зеркалом тени.

(9) Когда душа **стрела и пела**,
а в ней **уныло и стонало**,
и ухало, и бормотало,
и барахло, и одеяло...
О чём мы думали тогда?
О чём качали головами?
Что лучше — **ахать или похоть?**
Что лучше — **лапоть или выпить?**
Что лучше — **тень или отстань?**
Что лучше — **осень или плесень?**
Ну, перестань...
Такси меня куда-нибудь,
туда, где весело и жуть,
туда, где **светится и птица**,
где жить легко и далеко,
где, **простыня и продолжаясь**,
лежит поляна, а на ней
Полина или же Елена,
а может Лиза и зараза,
а может **Оля и лелея**,
а я такой всего боец...
Но там другой всему конец,
но там сдвигаются мотивы,
гремучи и локомотивы,
но там, **права или трава**,
болит и лает голова,
и наступающее худо
выходит медленно оттуда (А. Левин)

При этом совпадающие финальные отрезки слов могут отличаться морфемным членением (ср, *л* – часть корня в существительном *стрела* и формообразующий суффикс/окончание прошедшего времени в глаголе *пела*; *ть* – часть корня в существительном *лапоть* и формообразующий суффикс/окончание инфинитива в глаголе *выпить*; *и* – часть корня в существительном *такси*, переосмысливающаяся в формообразующий суффикс императива и т.п.)

Омонимия глагольных форм образует переходный случай между омонимией уровня слова и уровня предложения, поскольку глагол является основным носителем предикативности в языке. Эта омонимия проявляется как в области личных форм глагола (подробно рассмотрена в [Сидорова 2000], так и в области неличных форм, где разнообразие временных планов, вводимых инфинитивами, сочетается с разнообразием модальных оттенков.

2. Синтаксическая омонимия уровня предложения

Синтаксическая омонимия на уровне предложения – это омонимия, связанная с предикативными категориями лица, времени и модальности [Сидорова & Липгарт 2018ab].

В сфере лица она проявляется в возможности отнести предложение к разным субъектным или временным сферам, поместить его в зону диктума или модуса. Так, предложение с союзом «то» из стихотворения О. Николаевой «Судьба иностранца в России» *Он вечно — то гость, то захватчик, то друг он, то враг, то истец, а то и умелый строитель, а то и с товаром купец* позволяет как диктумную трактовку (субъект – иностранец – таким попеременно является), так и модусную (субъект таким попеременно представляется русским).

Эта множественность толкований может быть «мигающей» (возникающей или исчезающей в зависимости от того, в каком месте линейной последовательности текста находится читатель) или постоянной (сохраняющейся на протяжении всего текста). В приведенном примере первый вариант трактовки поддерживается концовкой предложения (после первого союза «а»), второй вариант – использованием наречия «вечно» в субъективно-оценочном смысле («постоянно» + негативная оценка).

Приписывание слова тому или другому из претендующих на него субъектов в лирическом стихотворении открывает перед читателем возможность множественных толкований, допустимых с разной степенью вероятности, как это происходит в следующем стихотворении Б. Панкина:

(10) вдохновения не бывает бывает боль
 бесконечная безнадежная злая боль
 ты смотришь в недоумении что с тобой
 ты спрашиваешь опрометчиво что с тобой
 и я отвечаю подробно в деталях что
 со мною случилось подробно в деталях что
 со мною случилось подробно в деталях **стоп**
ты говоришь мне испуганно стой ты трешь свой лоб
ты говоришь мне испуганно стой ты морщишь лоб
 ты ищешь слова подбираешь с трудом слова
 ты привыкла что ты всегда и во всем права
ты говоришь мне нечем дышать болит голова
ты говоришь мне устала болит голова
и я тебе верю конечно болит голова
приляг отдохни ты устала болит голова
 приляг отдохни
 я складываю слова
 строчка за строчкой как волны одна за другой
 вдохновения не бывает бывает боль
 (Б. Панкин)

Слово *стоп*, зависшее на конце строчки, может с равной долей вероятности принадлежать лирическому герою или его собеседнице. По-разному можно определить границы прямой речи в строчках *ты говоришь мне испуганно стой ты трешь свой лоб /ты говоришь мне испуганно стой ты морщишь лоб... / ты говоришь мне нечем дышать болит голова / ты говоришь мне устала болит голова / и я тебе верю конечно болит голова / приляг отдохни ты устала болит голова*. Также по-разному может быть осмыслена референция местоименных форм *ты* и *мне*. Между дательным адресата и дательным субъекта зависает *мне* в строке *ты говоришь мне нечем дышать болит голова* (в отличие от следующей, в которой во второй синтагме – синтаксическая модель, предполагающая именительный субъекта, поэтому омонимии не возникает). Так же и *конечно* может синтаксически притягиваться к левому или правому контексту: *Я тебе верю, конечно* или *Конечно, болит голова*. Из этих синтаксических «мелочей» постепенно складывается не просто разная субъектная перспектива текста, но и принципиально различное осмысление непреодолимости той дистанции, которая разделяет героя и героиню, пропасти между «головной болью» усталости, от которой «трут лоб» и болью вдохновения, заставляющей «складывать слова». (Другое потенциальное

толкование – лирические персонажи настолько слиты друг с другом, что мыслят и чувствуют одним потоком – в данном случае маловероятно в силу общей конфликтности отношений между Я и Она в творчестве Б. Панкина).

Особое место среди случаев синтаксической омонимии на уровне предложения занимают конструкции с «нет», обозначающим «не существует» либо «не существует для X (автора, лирического героя)» *Не возвращайтесь к былым возлюбленным, былых возлюбленных на свете нет* (А. Вознесенский) или «нет рядом» либо «нет вовсе (умер)», как в следующем стихотворении В. Павловой «Они влюблены и счастливы»:

(11) Он:

– Когда **тебя нет**,
мне кажется –
ты просто вышла
в соседнюю комнату.

Она:

– Когда ты выходишь
в соседнюю комнату,
мне кажется –
тебя больше нет.

3. Синтаксическая омонимия уровня текста

Текст лирического стихотворения может быть полностью или частично омонимичен тексту другого жанра. Совпадение формы при этом порождает различные смысловые интерпретации прежде всего из-за различия жанровых презумпций и «моделей чтения», что было убедительно продемонстрировано в частности в известном эксперименте J.M. Cohen [1966: 77-78], рассмотренном затем в [Marghescou 1974: 51–56] в контексте противопоставления «régime de lecture référentiel», применяемого по отношению к тексту газетной новости *Hier sur la Nationale sept une automobile roulant à cent à l'heure s'est jetée sur un platane. Ses quatre occupants ont été tués*, и «régime de lecture littéraire», который вступает в свои права, когда путем простейших манипуляций этот же текст «превращается» в лирическое стихотворение:

Hier sur la Nationale sept
 Une automobile
 Roulant à cent à l'heure s'est jetée
 Sur un platane
 Ses quatre occupants ont été
 Tués.

Мы неоднократно проводили аналогичный эксперимент со слушателями курса, посвященного анализу поэтического текста, используя произвольно взятые подписи под фотографиями предметов одежды из китайского интернет-магазина, переведенные Гугл-переводчиком:

(12) Женщины хлопка свободные платье осени
 Вскользь свободные хлопка вязать свитер
 Женщины хлопок белые платье осени
 Женщины хлопок рыхлый осени платье
 Осень синий ретро сыпучие длинные рукава
 Осень темно-коричневый женщина вокруг шеи
 Осень дамы цветочные ретро большие качели
 Осень круглые шеи нерегулярная женщина вскользь

В русле современной тенденции к «деморфологизации» в русской поэзии [Сидорова & Липгарт 2018с] подобные «стихи» легко укладываются в «презумпцию поэзии» (Ю.М. Лотман) или в «régime de lecture littéraire» (M. Marghescou) и начинают порождать приличествующие этому режиму интерпретации смыслы. Однако, в отличие от приведенных экспериментальных примеров, реальная синтаксическая омонимия уровня текста в поэзии не прячет нелитературный жанр, в сопоставлении с которым она возникает. В современной поэзии использование «внешних» жанровых форматов и регистров, оформление стихотворения в форме кроссворда, сообщения СМИ и т.п. - популярная авторская стратегия. Стихотворение В. Строчкова «Внутренняя опись» (13) интересно не только постмодернистским форматом списка, но и парадоксально обыгрываемым противоречием, на которое указывает название: опись делается по отношению к внешним вещам, а здесь она *внутренняя*:

(13)

1. ...вот направление в кино,

2. анкета за пальто,

3. меню театра (там давно

дают совсем не то:

там в основном идет вода,

парад

или развод;

покажут деньги иногда,

не чаще раза в год)

<...>

13. свидетельство о чистке штор

и пары свитеров

14. и двухсторонний договор

с врачом о том, что я с тех пор

практически здоров:

14. 1. физически;

14. 2. психически;

14. 3. фактически;

14. 4. и всячески;

14. 5. по соглашению сторон

я с двух сторон здоров.

Я отдаю себе отчет,

что это просто бред.

15. К нему подколот крупный счет

за справку, что вода течет

в сберкнижку за билет

16. с сопроводительным письмом

о том, что справок нет,

поскольку счастья в жизни нет,

поскольку жизни нет.

(Здесь стоит еще обратить внимание на предикативную единицу *жизни нет* в последней строчке, реализующую омонимию между свободной конструкцией типа *На Марсе жизни нет* и фразеологизованной типа *Мне без тебя жизни нет*.)

Лирическое стихотворение может вступать в «текстовую омонимию» даже с экспозиционным жанром большого формата, как например «Ткань» Л. Лосева с подзаголовком (*докторская диссертация*), нумерацией параграфов, указаниями (Sic) и (NB) и даже примечаниями в конце:

(14) Примечания

1. См. латинский словарь. Ср. имя бабушки Гете.
2. Ср. то, что Набоков назвал «летейская библиотека».
3. Этих зову «дурачки» (см. протопоп Аввакум).
4. Ср. ср. ср. ср. ср. ср.
5. (...) Иванович (1937 —?).
6. Бродский. Также ср. Пушкин о «рубце» и «певце», что, вероятно, восходит к Горацию: *rugureus pappus*.
7. См. см. см. см. см. см. см. см.!

Подобные тексты могут находиться на различном «расстоянии» от того внелитературного жанра, под который они «мимикрируют»: от простого включения фрагмента из непоэтического текста («Радиобред» Г. Сапгира) до существенной деформации заимствованного формата, оставляющей ему лишь отдельные синтаксические маркеры и/или жанровую этикетку в названии или подзаголовке, подсказывающую, что для декодирования текста необходимо соотнесение двух наборов презумпций – поэтического и внепоэтического («Только плохие новости» Т. Бонч-Осмоловской). И там, и там перед нами именно омонимия – один из случаев асимметрии плана выражения и плана содержания языкового знака, в качестве которого выступает здесь целый текст.

Выводы

Обсуждение синтаксической омонимии значимо не только в плане раскрытия смысла отдельного стихотворения или изучения поэтических техник того или иного автора либо определенного периода в истории русской поэзии. Оно имеет и общетеоретическое значение, поскольку вносит дополнительные аргументы в дискуссию об отношении поэтических текстов к системе языка в целом, которую в очно-заочной форме ведут два направления исследований, присутствующих и в русской, и в европейской традиции. Первое фокусируется на грамматических **особенностях** поэзии, понимаемых как некоторые «отклонения» от грамматических норм общелитературного языка. Второе направление рассматривает грамматику поэзии как функционально обусловленную реализацию грамматической системы национального языка – тех потенциалов, которые в

ней заложены с разной степенью очевидности и воплощаются говорящим, способным их уловить. Эта функциональная обусловленность связана с конститутивными свойствами поэтического текста, перечисленными в начале статьи, соответственно, второе направление исследований не выводит отдельных правил поэтического языка, а сосредоточивается на изучении того, как существующие в общенациональном языке и языке в целом правила и закономерности преломляются через жанровые «призмы» лирической поэзии (пользуясь метафорой М. Бахтина). Рассмотренные в статье примеры синтаксической омонимии на уровне слова, предложения и текста демонстрируют продуктивность второго подхода, поскольку каждый из проанализированных случаев является реализацией потенций, заложенных в языковой системе, но порой так глубоко, что для извлечения их необходим уникальный тип языковой личности – личности, способной к созданию поэзии. Соответственно, роль лингвиста, обладающего научным знанием системы языка и свойств поэтических текстов, состоит в том, чтобы обнаружить, объяснить и систематизировать эти приемы.

Библиография

- Гаспаров М.Л., 1997, «Первочтение и перечтение. К тыняновскому понятию сукцессивности стихотворной речи», *in Гаспаров М.Л., Избранные труды*, Том 2, Москва: Языки славянских культур, 459-467.
- Гинзбург Л.Я., 1987, «Литература в поисках реальности», *in Гинзбург Л.Я., Литература в поисках реальности*, Ленинград: Советский писатель, 4-57.
- Ларин Б.А., 1997, «О разновидностях художественной речи», *Русская словесность*, 149-162.
- Левин Ю.И., 1998, *Избранные труды. Поэтика. Семиотика*, Москва: Языки славянских культур.
- Ревзина О.Г., 1981, «К построению лингвистической теории языка художественной литературы», *Теоретические и прикладные аспекты вычислительной лингвистики*, 107-132.
- Ревзина О.Г., 1995, «Парадокс поэтического анализа», *Вестник Московского университета. Сер.9, «Филология»*, 2, 147-151.
- Ревзина О.Г., 2002, «Загадки поэтического текста», *in Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста*, Москва: Институт русского языка им В.В. Виноградова РАН, 418-433.
- Строчков В., 1994, *Глаголы несовершенного времени*, Москва : Арион, Издательство Русанова.
- Сидорова М.Ю., 2000, «Функциональная амбивалентность видо-временных форм в поэтическом тексте», *Вестник Московского университета, Сер.9: «Филология»*, 1,

95-110.

Сидорова М.Ю. & Липгарт А.А., 2018, «Грамматика современной русской поэзии: субъектная перспектива, предикативные категории, модусные рамки (часть 1)», *Филология и человек*, 3, 21-38.

Сидорова М.Ю. & Липгарт А.А., 2018, «Грамматика современной русской поэзии: субъектная перспектива, предикативные категории, модусные рамки (часть 2)», *Вестник Алтайского государственного университета. Филология и человек*, 4, 63-79.

Сидорова М.Ю. & Липгарт А.А., 2018, «Грамматика современной русской поэзии: линейаризация и синтаксические техники», *Мир русского слова*, 3, 52-71.

Томашевский Б.В., 1996, *Поэтика*, Москва: Аспект Пресс.

Тынянов Ю.Н., 1965, *Проблемы стихотворного языка*, Москва: Советский Писатель.

Шапир М.И., 1995, «'Versus' vs 'Prosa': пространство-время поэтического текста», *Philologica*, 2, 7-47.

Шапир М.И., 2015, *Universum versus: Язык — стих — смысл в русской поэзии XVIII–XX веков*, Кн. 2, Москва : Языки славянских культур.

Cohen J.M., 1996, *La structure du langage poétique*, Paris : Flammarion.

Marghescou M., 1974, *Le concept de littérature. Critique de la métalittérature*, Paris : Éditions Kimé.

Корпус

Вавилон, адрес сайта vavilon.ru

Русская поэзия, адрес сайта m.rupoe.ru